

показывающей, что нечто должно быть, индукции, доказывающей, что нечто действительно существует, и абдукции, предполагающей, что нечто может быть. Большое значение данные авторы уделяли личному опыту исследователя, благодаря которому ученый может иметь особую теоретическую чувствительность, а также обеспечивать изобилие предварительных предположений для сравнения, поиска и упорядочения своей теории.

Сегодня новые возможности для построения качественной методологии в области социологии культуры дает представление о *пульсирующем характере культурного процесса*. Этот процесс изучается с точки зрения общих закономерностей самоорганизации, становления устойчивых структур в открытых системах, что получило обоснование в новой отрасли научного знания — синергетике. *Синергетический* подход дает представление о взаимодействии культур как хаотически развертывающемся процессе, в котором одни культуры усиливаются, а другие гаснут. При всех влияниях на культуру со стороны движущие силы ее изменения лежат в ней самой. Принцип открытой системы становится ведущим в объяснении «вспышек» культур. Импульс, рожденный одной культурой, передается другой. В хаосе взаимодействия культур самоорганизуется сложный аттрактор. Возможность пульсаций культуры обусловлена хаотическими изменениями системы из области притяжения одного аттрактора в область притяжения другого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллс Ч. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998. 252 с.
2. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994. 608 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993. 663 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М.: Наука, 1992. 405 с.
5. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
6. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. Гачев Г. Наука и национальные культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1993. 320 с.
8. Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных// Социологические исследования. 2000. № 10. С. 92-100; Ньюман Л. Анализ качественных данных// Социологические исследования. 1998. № 12. С. 101-113; Толстова Ю. Н., Масленников Е. В. Качественные и количественные стратегии// Социологические исследования. 2000. № 10. С. 101-109.

*Марина Николаевна СТЕЛЬМАШУК —
доцент кафедры мировой экономики
и международного бизнеса,
кандидат социологических наук*

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСТВА В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

АННОТАЦИЯ. На основе анализа получена информация, позволяющая зафиксировать социальные проблемы детства в России XIX–XX веков. В изложении исторического материала отражена связь с тенденциями общественного развития, представлены первые опыты использования социологических методов при изучении детей.

On the basis of the analysis the information permitting to fix social problems of childhood in Russia at the turn of the 20th century is obtained. In the presentation of a historical

material the link with the tendencies of public development is reflected, the first experiences of sociological methods usage at learning children's behaviour are offered

Становление специальной социологической теории детства актуально для современного развития отечественной науки. В этой связи, естественно, возникает вопрос о необходимости обобщения и анализа историографических материалов изучения социальных проблем детства. Социологическая литература в России впервые появляется во второй половине XIX в., вернее, по мнению Н. И. Кареева, «в начале последней трети». Основная социальная идея, характерная для российского общества на рубеже XIX–XX вв., определила развитие личности ребенка в свете гуманистического идеала воспитания. Вопросы, характеризующие во второй половине XIX в. предметную область исследований детства, включают три основные группы исследовательских проблем. Во-первых, изучение положения детей в России. Во-вторых, влияние зарубежной научной литературы, в которой вопросы воспитания детей получили социологическую интерпретацию. В-третьих, применение социологических методов сбора данных при анализе проблем детства.

Во второй половине XIX в. проблемы детства исследовали ученые разных предметных областей. Рассмотрим работы, которые содержат элементы социологической интерпретации или являются собственно социологическими, пионерными в русской социологии детства.

В развитии личности ребенка ученые, прежде всего, подчеркивали значение семьи. В большом массиве этнографического материала XIX в. особого внимания заслуживают работы о традициях русской семейной жизни и месте ребенка в ней (Бабилов К. Ю., 1873; Тенишев В. Н., 1898; Костомаров Н. И., 1860; Желобовский А. И., 1892; Щапов А., 1870). В конце XIX в. появились работы, в которых авторы дают характеристику особенностей семейного воспитания с социологической точки зрения, рассматривая различные социальные группы (Смирнов А., 1896; Лесгафт П. Ф., 1855; Каптерев П. Ф., 1894). В число первоочередных задач семьи ставится «воспитание Человека». В работах русских ученых сделан акцент на роли государства по решению социальных проблем детства (Краинский В. А., 1876; Левдик П. Ф., 1883; Острогорский Г., 1885; Кулишер М., 1887; Михайлов А., 1887; Шашков С. С., 1871). Решение социальных проблем детства на государственном уровне, в частности сокращение преступности малолетних, — конкретная проблема, нашедшая отражение в трудах русских юристов-социологов (Тарновский Е. Н., 1870).

Изучая социальные проблемы детства, русские ученые обращаются к социально-психологическим факторам развития ребенка. Для русской социологии XIX в. определяющим становится, по оценке Н. И. Кареева, «примат психологии в социологии». В этой связи следует упомянуть работы, определяющие влияние сверстников на становление личности ребенка (Ленский Б. П., 1878; Гейфельдер О., 1861; Е. Ф., 1879; Каптерев П. Ф., 1894; Чернов Д. И., 1861); исследования социально-психологических типов детей (Лесгафт П. Ф., 1890). Все указанные авторы в научной литературе рассматриваются как основоположники детской психологии в России. Поэтому работы ученых отражают идею введения социального контекста в качестве обязательного условия психологического исследования детства.

Русских ученых отличала не только активная гражданская позиция, но и обеспокоенность социальной значимостью исследований детей. Примером может служить формирование принципов отечественной детской литературы с необходимостью отражения образа реального ребенка в литературных произведениях (Каптерев П. Ф., 1876; Е. Т., 1894; Скворцова С., 1896). В контексте сказанного, следует отметить общую характеристику социальных проблем детства в России на рубеже XIX–XX вв. (Каптерев П. Ф., 1894; Ланге Н. Н., 1887).

Социология О. Конта основывалась на биологии, однако первые российские социологи (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков) ставили вопросы изучения психологического взаимодействия между людьми, соединенными в обществе. Подчеркнем этическую ориентацию русской социологии, сущность которой заключалась в стремлении к справедливым общественным формам, обеспечивающим свободное развитие человеческой личности и ее материальное благосостояние. Характер работ по большей части умозрительный, но при этом стоит выделить актуальность рассматриваемых проблем для современной науки и адекватность представления в них основных идей времени, отразившуюся при описании социальных проблем детства.

Признаком цивилизованности общества является признание социальной ценности детства, истоки которой следует искать в рациональной любви и заботе. По мнению П. Ф. Каптерева, «... в развитии детских чувств в отношении к родителям можно различать три периода: первобытный — вполне естественных отношений со значительным животным характером, эпоху государственно-легальных отношений и третий — гуманный период» [1: 36]. Вывод подтверждается другими исследователями. В XVI–XVII вв., как подчеркивал Н. И. Костомаров, «между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений... дети, раболепные в присутствии родителей, с детства приучались насмехаться над ними вместе со сверстниками из слуг» [2: 109–110]. В XVIII в. Р. М. Семевский наблюдал иную картину, определив, что «отношения между родителями и детьми были еще все-таки довольно патриархальными... родители очень чадолюбивы, а дети послушны и почтительны» [3: С. 72]. Этнографическую картину восприятия мира детства в России представил в своей работе А. И. Желобовский: «через пословицы и поговорки анализируются воззрения русского народа на жизнь семейную... отношение родителей к детям и детей к родителям» [4: 17]. В числе проблемных вопросов, представленных автором, содержится оценка влияния воспитателя, значение в жизни ребенка материнской любви, определение возраста, с которого начинается гражданская зрелость детей, характеристика трудностей семейного воспитания. От внимания ученых не скрыта социальная проблема подмены прислугой обязанностей родителей в семьях аристократов. Говоря о влиянии прислуги на воспитание господских детей, подчеркивается, что «если же родители не признают необходимым лично и серьезно заниматься воспитанием своих детей, то им будет угрожать весьма незавидная участь: они останутся родителями детей своих только по плоти, по духу же их дети будут детьми прислуги» [5: 85].

Знакомство русского общества с новейшими концепциями зарубежных ученых заслуживает отдельного внимания. Социологический анализ системы воспитания представлен в книге Г. Спенсера «Умственное, нравственное и физическое воспитание» (1866). В проанализированных публикациях русских ученых представлены различные оценки отношения к этой работе. Например, М. Кулишер в качестве основного тезиса подчеркивал, что «в настоящее время Г. Спенсер вынужден восставать против «аскетической диеты», которой считают нужным подвергать детей. В отношении к детям, «в одежде, как и в пище, общие стремления клонятся к неуместной скудости» [6: 142].

В обзоре педагогических теорий, предложенном протоиреем А. Смирновым, находим категоричное неприятие идей Г. Спенсера. Для Г. Спенсера основная цель жизни и борьбы за существование сфокусирована в принципе приспособления, когда «главное условие успеха в жизни состоит в том, чтобы быть здоровым животным», однако, по мнению А. Смирнова, «на почве таких низменных взглядов на человека не мог вырасти и возвышенный идеал воспитания» [7: 478]. Для А. Смирнова, Г. Спенсер является сторонником так называемой утилитарно-эвдемонистической теории, суть которой в отрицании системы воспитания, не преследующей прямой практической пользы для жизни. «Единственная история, которая может иметь прак-

тическое значение для подготовки обязанностей гражданина, это так называемая описательная социология, то есть такого рода историческое описание жизни нации, которая может служить материалом для сравнительной социологии и последующего определения основных законов народной жизни» [7: 486]. Идеал воспитания Г. Спенсера: «Будь способен к самосохранению, умей обеспечить себя средствами к жизни, подготовь себя к разумному выполнению родительских и гражданских обязанностей, приобрети способность наслаждаться светлыми моментами жизни, произведениями художественного творчества, вот все, что требуется от тебя для того, чтобы жить возможной для тебя полнотою жизни» [7: 487]. Для А. Смирнова именно в этих воззрениях заключается подмена воспитания научным образованием, против этого высказывается автор в своей работе.

Работа Н. Языкова дает представление о развернутой критике Г. Спенсером старой системы воспитания. По мнению Н. Языкова, сущность концепции Г. Спенсера — в оценке влияния общественных отношений на воспитание личности: «Воспитание будет таким, каково само общество, и не школа руководит им, а оно школой» [8: 73].

В содержательном плане следует обратить внимание на попытку первых русских социологов систематизировать основные педагогические идеи века. Например, В. А. Гольцев отметил различие между научным и метафорическим мышлением: «Полный и правильный расцвет личности невымыслим без ее преданности общественным интересам, а разумная постановка индивидуальной работы на общее благо невымыслима без установления правильных основ общественной жизни. Политика и педагогика — одинаково важные ветви единого великого искусства: воспитание человека для человека и общества и организация общества в целях совершенствования человека» [9: 57]. На основе метода сравнительно исторического анализа В. А. Краинский определил: «Россия, неизменно следовавшая в продолжение девяти веков по пути христианской цивилизации, которой обязана своим нынешним могуществом и величием, не может иметь никакой системы народного просвещения, которая не была бы всецело основана на православном учении соборной и апостольской церкви, всегда умевшей согласовать веру с истинной наукой» [10: 159]. В контексте сказанного, «наш новый путь — путь служения народу и помощи ему, путь «развития личности в разуме Христовом», путь, великого, святого, христианского идеала» [10: 177].

Анализ проблем детства на рубеже веков изложен в работе П. Ф. Каптерева. Автор выделяет основные проявления кризиса детства в начале XX в.

Во-первых, в психологическом развитии ребенка: «Дети конца XIX столетия многим представляются какими-то маленькими старичками, рано вкусившими от дерева познания добра и зла, они все видели все знают, обо всем могут говорить, их интерес притуплен. Они слабого сложения и постоянно кислого настроения, они как будто бы отцветают, не успев расцвести, — словом, скороспелки, совмещающие в себе детство со старостью» [11: 172].

Во-вторых, в росте числа самоубийств детей: «Между прочим, его (то есть XIX в.), называют веком, в котором нет более детей, столетием детских самоубийств» [11: 171].

В-третьих, в усилении потребительской ориентации общества: «Жизнь делается все сложнее, потребности растут, и для их удовлетворения приходится до крайности напрягать нервную систему, слишком много работать, непрерывно конкурировать, бояться, как бы другие не обогнали, не вырвали из рук твое дело и твой успех» [11: 173]. Далее, продолжает автор, «в этот водоворот вечного напряжения, борьбы, отчаяния и успеха, всевозможных потрясений втянуты и дети, что доказывается увеличивающимся числом детских самоубийств и детских психических болезней» [1: 173].

В-четвертых, в давлении обучения, опережающего развитие ребенка: «У многих родителей есть желание как можно скорее и разносторонне ввести своих детей в

умственную жизнь современного общества, ознакомить их с большим количеством предметов, событий, наук, искусств, духовно разных производств, поскорее сравнить их с собой — в надежде, что от этого произойдет великая польза для детей. Такие дети совершенно своеобразные субъекты: их нельзя приурочить ни к одному возрасту, они чувствуют себя чужими всюду; они отстали от сверстников и не пристали к старшим» [11: 176]. Следует подчеркнуть актуальность для современной России названных П. Ф. Каптеревым типов проблем детства. Факт, безусловно, требующий, осмысления, особенно в свете современных концепций социальных изменений.

На основании проанализированных источников, в социологии детства конца XIX в. можно выделить вопрос о развитии ребенка с учетом основных агентов влияния.

Во-первых, это обращение к оценке роли матери в воспитании детей, включая особенности семейного воспитания детей. Данный вопрос становится предметом обсуждения на страницах профессиональных педагогических журналов, находит широкий отклик среди читателей. «Воспитывай своих детей делом и примером, а не словом; иначе сказать: будучи матерью, ты должна, прежде всего, думать о своем собственном совершенстве, чем добросовестнее, честнее будешь ты сама, тем добросовестнее, честнее, религиознее будут твои дети. Но и в этом случае не полагайся на один свой ум. Нет, проси советов, выслушивай мнения людей, более тебя опытных в деле воспитания» [12: 482]. В конце XIX в. в России сложилась ситуация, когда «женщины выходят из учебных заведений никуда негодными воспитательницами своих детей, хотя именно на женщин ложиться вся тяжесть воспитания детей» [13: 90]. Женское воспитание, по мнению А. Михайлова, определяется через «изящные манеры и тому подобные внешние качества» [13: 90].

Во-вторых, не менее противоречиво выглядит оценка воздействия образования на формирование личности и анализ роли образования как социального института. «Сотни молодых людей, получивших образование в гимназиях, университетах, лицеях и тому подобных учебных заведениях... Но ни один из них не знает того, что необходимо знать, чтобы сохранить свое собственное здоровье, чтобы не вступить в бессмысленный брак, чтобы не сделаться губителем своих будущих детей, чтобы избежать части тех условий, которые могут странно отозваться на этих детях» [13: 86-87].

В-третьих, значение социальной среды воспитания, главным образом роль детского коллектива. «Дети ближе нас стоят к пережитой нами стадности в силу простого закона развития, в союзе детей всегда будет более общности, чем у нас. И вот почему детский возраст и товарищество гораздо более подходящая среда для социальных уроков, чем наше общество, и можно быть смело уверенным, что если из товарищества дети не почерпнут никаких запасов общности, то из зрелого общества и подавно» [14: 12].

В своей работе Гейфельдер О. отметил значение детской игры в жизни ребенка, роль воспитателя в игре; представил этнографическую характеристику детской игры, сформулировал идею о подборе игр в соответствии с возрастом ребенка [15]. Представляется адекватной оценка, согласно которой «история игр вообще и в частности детских может дать богатый материал для научной социологии, как простое изучение игры для научной психологии» [16: 428]. В научной литературе влияние сверстников определяется через совместное участие в творческой деятельности. Примером служит опыт социологической характеристики духовной жизни гимназисток через участие в школьном литературном журнале. «В «Нашем мирке» перед нами пробуждающаяся женщина, для которой далеко не чужды все мировые вопросы... В «Нашем мирке» высокие нравы, самоотверженность, страдание, запросы пылливой души, упор, негодование первой молодости...» [17: 128].

Следует отметить в XIX в. использование эмпирических методов исследования проблем детства. Предметом социологического исследования становится детская смертность. По мнению И. А. Сикорского, методологический подход состоит в ре-

шении вопроса о равномерности распределения числа детских смертей между различными губерниями и регионами «в зависимости от различного количества спиртных напитков, потребляемых в этих регионах» [18: 211 (Кн. 4)]. На основании проведенного анализа гипотеза нашла свое подтверждение. «Оказалось, что смертность младенцев, вычисленная в процентах, находится в очевидном соотношении с количеством потребляемых в каждом регионе спиртных напитков» [18: 212 (Кн. 4)]. Из этого следует, «что спиртные напитки понижают действие родительского и родственного долга и ослабляют силу и степень тех альтруистических чувств и того семейного начала, которого связывает людей воедино и тем самым обеспечивает интересы взаимного самосохранения» [18: 213 (Кн. 4)]. Один из факторов ухудшения положения детей — употребление спиртных напитков. Другой фактор определен через влияние крупных социальных потрясений на состояние здоровья населения. В исследовательской практике установлены «случаи тяжелых нервных заболеваний в потомстве участников войны, которые, будучи до войны совершенно здоровыми, впервые получили нервную болезнь на войне и наследственным образом передали ее детям, родившимся несколько лет спустя после войны. Этот факт служит поразительной иллюстрацией приобретенного на войне и переданного по наследству тяжелого вырождения» [18: 19 (Кн. 5)]. При интерпретации данных следует учитывать одну особенность, согласно которой развитию кризиса детства способствует не только нищенство и бездомность, но и процесс роста преступности малолетних [19].

Обширный массив материала дает ключ к пониманию тенденций общественного развития в России второй половины XIX в. В конце века особо выделяется вопрос о становлении социального идеала, под влиянием которого должно развиваться все общество и, главным образом, подрастающее поколение. Социальным идеалом, по мнению И. А. Сикорского, является «культура духа, в противоположность культуре природы, составляет отличительную черту славянского народного гения» [18: 33 (Кн. 4)]. Истоки становления культуры духа следует искать в молодежной среде. Связан этот процесс с направлениями общественной жизни, поэтому исследователи, как правило, сравнивали начало и конец века. С одной стороны, «одной из выдающихся черт характера молодежи предыдущего поколения можно считать ее стадность» [20: 69], с другой — «нигилизм, ведь нравственного усовершенствования и личного труда не требуется от либерала» [20: 78]. В этой связи уместно замечание, раскрывающее не идеальные, а реальные ценности. «Страшной болезнью страдает наше общество от мала до велика, гнусной болезнью. Кулацкая нажива, эгоистическая борьба, сталкивание с лестницы, подпольная деятельность, страх за свою шкуру, погоня за роскошью, положением, деньгами — вот главные симптомы современной болезни. От чего она произошла — это другой вопрос. Здесь важно то, что эта болезнь воспитывается отцами в своих детях... алчное желание видеть своего сына карьеристом, стремящимся к верхушке общественной лестницы, видеть его важным лицом, быть может, плутом и негодяем, но все-таки «важным лицом... карьерщина съела как ржавчина все наше существование» [20: 61]. Цитата, по моему мнению, не утратила свою актуальность в России на рубеже XX и XXI вв.

Характеризуя становление социологии детства во второй половине XIX в. в России, отмечаем согласование реально идущих социальных процессов и отражающих их понятий. Фокус общественного внимания сосредоточен на формировании внутреннего мира ребенка, роли семьи в социальном становлении ребенка — факт, обусловленный психологической ориентацией социологических работ в этот период для России. Анализ большого массива исторических документов дает представление о первых попытках социологического исследования социальных проблем детства в России. Естественно, невозможно дискутировать о методах социологического исследования детства в рассмотренных исторических работах, однако заслуживает внимания сама постановка актуальных проблемных вопросов, высокая степень граж-

данской ответственности исследователя. Работы русских ученых XIX в. дают представление об этической, нравственной составляющей первых социологических работ по проблемам детства, показывают большой спектр социальных проблем детства в этот период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каптерев П. Ф. Развитие семейных чувствований в связи с историей семьи // Образование. 1899. № 1. С. 114-139; № 2. С. 19-42.
2. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в шестнадцатом и семнадцатом столетии. СПб.: Тип. К. Вульфа. 1860. 214 с.
3. Семевский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века // Устои. 1882. № 1. С. 90-132; № 2. С. 63-107.
4. Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народного творчества. Отдельный оттиск из филологических записок. Воронеж: Тип. В. И. Исаева. 1892. 63 с.
5. Каптерев П. Ф. Прислуга как воспитательница господских детей // Воспитание и обучение. 1894. № 2. С. 65-85.
6. Кулишер М. Очерк истории обращения с детьми // Слово. 1878. № 11. С. 115-143.
7. Смирнов А. Современные идеалы воспитания // Православный собеседник. 1896. июль-август. С. 472-491.
8. Языков Н. Чего ожидать от воспитания? // Дело. 1877. № 2. С. 54-73.
9. Гольцев В. А. Об основных идеях нашего века // Русская мысль. 1893. Кн. 1. С. 57-63.
10. Краинский В. А. Семья и государство. Киев: Тип. К. Н. Милявского, 1876. 192 с.
11. Каптерев П. Ф. Дети конца XIX века // Воспитание и обучение. 1894. № 4. С. 171-182.
12. Чернов Д. И. Дитя в первые годы жизни // Учитель. 1861. № 1-12; № 13. С. 478-482.
13. Михайлов А. Отношение человека к детям // Дело. 1877. № 2. С. 73-105.
14. Ленский Б. П. Товарищество и его социально-этическая роль в воспитании // Семья и школа. 1878. № 1. Кн. 2. С. 1-17.
15. Гейфельдер О. Детские игры // Учитель. 1861. № 24. С. 987-995.
16. Е. Ф. Значение игр для истории // Свет. 1879. № 12. С. 416-423.
17. Скворцова С. Духовная жизнь гимназисток по литературным журналам, изданным гимназистками // Вестник воспитания. 1896. № 3. С. 117-129.
18. Сикорский И. А. Сборник научно-литературных статей по вопросам общественного воспитания и нервно-психической жизни. Киев; Харьков: Южнорус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1899. Кн. 1. 258 с.; Кн. 2. 336 с.; Кн. 3. 227 с.; Кн. 4. 274 с.; 1900. Кн. 5. 234 с.
19. Тарновский Е. Н. Преступность малолетних в Западной Европе и России // Журнал Министерства Юстиции. 1899. № 7. С. 1-92; № 9. С. 1-42.
20. Фудель И. И. Письма о современной молодежи и направлениях общественной жизни. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1888. 177 с.

*Галина Михайловна ЗАБОЛОННАЯ —
доцент кафедры политологии
факультета истории и политических
наук, кандидат философских наук*

УДК 316

ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ

АННОТАЦИЯ. Автор анализирует современные социологические подходы в рассмотрении природы и функций доверия, исследует факторы, определяющие возрастание значимости этого феномена в жизни современного общества.